LA VELA

Biancheggia vela solitaria
Del mare nell'azzurra bruma...
Cosa in lontana terra cerca?
Al paese natio cosa ha lasciato?...

Fremono l'onde, il vento fischia,
L'albero piega e geme...
Ahimè! felicità non cerca
E da felicità non viene!

Sott'essa il flutto più chiaro del cielo;
Sopra, del sole d'oro il raggio...
Ed essa inquieta chiede la tempesta,
Come nelle tempeste fosse pace!

Traduzione di Tommaso Landolfi

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

* * *

No, Bàiron io non già, io son diverso:
Ignoto ancor, del ciel pur un eletto;
Errante, come lui ho il mondo avverso,
Ma russa è l'alma che mi sta nel petto.

Presto l'inizio, il fin più presto fia:
Non compirà grandi opre la mia mente:
Come in fondo al mar, nell'alma mia
Riposa il carico delle spemi spente.

Oceano dispettoso, i tuoi misteri
Chi d'indagar s'attenta? Del cor mio
Chi alle genti svelerà i pensieri?
Se non io, nessun — o solo Iddio!

Traduzione di Giovanni Gandolfi

* * *

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или Бог — или никто!

1832

IL CAUCASO

Benché per destino nei giorni miei primi
Da voi separato, montagne del sud,
Chi un giorno vi vide per sempre v'ha in cuore.
Qual dolce canzone del lido natale,
O Caucaso, t'amo.

Negli anni d'infanzia perdetti mia madre:
Mi parve, nell'ora dorata serale,
Dei suoi noti detti la steppa sonare.
Però mi son care le tue cime e rupi;
E, Caucaso, t'amo.

Fui, gole dei monti, felice tra voi;
Cinque anni son corsi: pur sempre vi bramo.
Colà vidi un paio, già, d'occhi divini;
E il cuore bisbiglia, se quelli rammenta:
O Caucaso, t'amo!...

Traduzione di Tommaso Landolfi

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

PREGHIERA

Son, madre divina, immerso in preghiera,
Di fronte all'immagine, splendente riflesso,
Non di mia salvezza, non prima di battermi,
Non per gratitudine, non per pentimento,

Non per questa anima mia desolata
Di pellegrino orfano al mondo;
Ma voglio affidare una giovane limpida
A chi con tepore intercede nel gelo.

Circonda di gioia l'anima degna,
Dalle compagni capaci di cure,
Gioventù pura, vecchiaia tranquilla,
Al cuore mansueto una fede serena.

Se il termine giunge dell'ultima ora
In alba chiassosa o in notte silente,
Tu manda ad accogliere al letto dolente
L'angelo migliore l'anima gentile.

Traduzione di Guido Carpi

МОЛИТВА

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

* * *

Me ne esco solo sulla strada;
Nebbia, aguzzo scintilla il mio cammino.
Tace notte. Il deserto percepisce
Dio, e la stella parla con la stella.

Vi è un prodigio magnifico nei cieli!
Terra dorme in un fulgore azzurro...
Perché a me tanta pena e tanto affanno?
Cosa attendo? Di cosa ho la mancanza?

Non attendo più nulla dalla vita,
Del passato non provo nostalgia;
Vo cercando libertà e riposo!
Vorrei perdere i sensi e addormentarmi! —

Non del sonno però freddo della tomba...
Ma nei secoli dormire in modo che
Nel mio petto si annidino le forze
Della vita, e lento il petto spiri.

Notte e giorno mi cullino l'udito
Dolci voci che parlano d'amore,
Quercia scura verdeggi eternamente
E su me nel suo fruscio si chini.

Traduzione di Guido Carpi

* * *

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб, всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

LO SCOGLIO

Pernottò una nuvola dorata
Sul seno di un gigante-scoglio,
Al mattino presto ne fuggì
Lietamente giocando nell'azzurro;

Umida traccia rimase nella ruga
Dello scoglio antico. Solitario
Se ne sta, nell'intimo suo assorto
E silente piange nel deserto.

Traduzione di Guido Carpi

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

1841

IN MORTE DI PUŠKIN

Peri il poeta, schiavo dell'onore,
Ei cadde dalla fama calunniato
Recando il piombo in core
E di vendetta sete,
Il suo superbo capo reclinato.
Non resse all'onta di minute offese
L'anima del poeta:
Ei sorse incontro le volgari intese
Solo, come in passato,
E cadde trucidato!
Ah trucidato! — Adesso a che i singulti
E delle vacue lodi il vano coro
E il meschin biascicar d'apologie?
Il decreto del fato s'è compito!
Forse non voi pei primi di maligno
Furor biechi insidiaste
Il suo libero, ardito
Estro, e l'allor sopito
Incendio per sollazzo riavvivaste?
Or ben da voi s'esulti!
All'ultimo martiro
Resister non potè: come una face,
Si spense il genio miro:
Il serto trionfai vizzo si sface!
Dirizza l'assassin con fredda calma
Il colpo: ahi non v'è scampo:
Inalterato batte il voto core,
Non trema la pistola nella mano.
A che stupir... Per gioco della sorte
Ei da lido lontano
Lanciato a noi, simil alla coorte
Dei mille rifugiati
A carpire fortuna e dignitati,
Ghignando, tracotante,
L'idioma e li usi di paese estrano
Sprezzava: risparmiar ei non potea
La gloria nostra: nel cruento istante
Comprender non potè su che stendea

La mano! Ed Egli è estinto
E dalla tomba avvinto,
Come il cantor ignoto e pur gentile,
Preda di gelosia dismisurata,
Ch'ei celebrò con portentoso stile,
Com'esso, spento da una man spietata.
Perchè lasciando i queti agi, e la pura
Amistade mischiossi egli fra questa
Genia che sol l'invidia ha per natura
E a soffocar è presta
Ogni cor franco, ed ogni affetto ardente?
Perchè ad abietti detrattor porgea
La man, perchè fidente
Ei fu in blandizie e in simulate lodi
Egli che conosciuto dai primi anni
Gli uomini avea? Strappata
La primiera ghirlanda, essi di spine
Gli imposero corona
Da' lauri avviluppata:
Ma li aculei nascosi atrocemente
Hanno trafitto il glorioso fronte.
Avvelenati son dal sussurrio
Maligno degli schiocchi derisori
I suoi momenti estremi:
Ed ei da vana brama di vendetta
Straziato muore e dal secreto affanno
Delle deluse spemi...
I concenti cessar dei prodigiosi
Carmi: ahi non più fra noi risoneranno!
In triste e angusto ostello
Si rinchiuse il poeta:
E sulle labbra sue grava un suggello!

E voi presuntuosi discendenti
Di padri illustri per viltà notoria,
Voi che con piè servile
Calpestate li avanzi
Di stirpi affrante per mutar del fato,
Voi che in folla bramosa
Al trono vi stringete,
Voi della libertà, voi della gloria
E del genio i carnefici voi siete!
Pur della legge l'ombra vi ricopra:
Pur sempre a voi dinanzi
Restino mute verità e giustizia!...

Ma il tribunale v'è, sì, vi è, di Dio
O allievi di nequizia!
Vi è il Giudice terribile: Egli aspetta
Ed al suono dell'oro Egli non piega
Ed azioni e pensier Egli antivede.
Alla calunnia invan ricorso avrete
Allor: essa non più daravvi aiuto:
E tutto il nero sangue
Vostro non fia lavacro
Del poeta caduto al sangue sacro.

Traduzione di Pasquale Gastaldi-Millelire

СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб Поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправдания?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалика,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать. —

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли, и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!